

Бифуркационная модель исторического процесса: философский анализ

© В.А. Нехамкин^{1,2}, Г.В. Черногорцева¹

¹МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, 117198, Россия

Рассмотрена бифуркационная модель исторического процесса. Выявляются базовые положения данной модели. Исследован ряд ключевых познавательных проблем, возникающих в рамках данной модели: проблема поиска приемлемой для значительной части историков и философов базовой категории, проблема определения временных интервалов между различными точками бифуркации и вопрос о степени влияния исторической личности в бифуркационных состояниях прошлого. Предложены варианты решения указанных проблем. Отмечена необходимость дальнейшего анализа теоретико-методологических проблем в рамках бифуркационной модели.

Ключевые слова: философия истории, история, синергетика, бифуркация, бифуркационная модель, историческая развилка

В конце XX — начале XXI в. получило широкое распространение междисциплинарное направление научного познания — синергетика. Она внесла как в естествознание, так и в гуманитаристику несколько ключевых идей. Во-первых, действительность рассматривалась как взаимодействие равновесных (где становление объекта предсказуемо, прогнозируемо по его начальным условиям и известным законам) и неравновесных (развитие объекта принципиально не предвидимо средствами науки) систем. Во-вторых, неравновесные системы отождествлены с Хаосом, равновесные — с Порядком. В-третьих, неравновесные системы доминируют в окружающем человека мире. Порядок — «частный случай» Хаоса. В-четвертых, существует процесс самоорганизации любой системы. Он не дает ни Порядку, ни Хаосу стать вечным, константным состоянием. Отсюда в природе и обществе происходит постоянный переход от Хаоса к Порядку и наоборот. (Символично название центральной в этом направлении работы И. Пригожина, И. Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». Оно как бы оппонирует классической науке, где случайности игнорировались, рассматривались как мера «незнания» человеческого ума, а упорядоченность возникала из предыдущего «порядка».) В-пятых, есть особый механизм трансформации Хаоса в Порядок, называемый в синергетике точкой бифуркации. В ней сосредоточен ряд (не менее двух) вариантов дальнейшего упорядоченного (линейного) развития

системы. В-шестых, какой-либо «хаосогенный аттрактор», или случайный фактор (от природного катаклизма до излишне волевой личности в отдельный исторический период), может своим воздействием перевести систему на один из имеющихся вариантов функционирования в качестве доминирующего, т. е. нового порядка. Судьба иных «населявших» точку бифуркации в период ветвления вариантов (аннигиляция, или сохранение в рамках/параллельно основному варианту) остается в синергетике окончательно не определенной [1]. В-седьмых, историческое развитие предстает как бесконечное движение от Хаоса к Порядку и обратно.

Разумеется, на эмпирическом уровне подобные закономерности в рамках социальной динамики фиксировались и до появления синергетики [2]. Переход от Хаоса к Порядку через самоорганизацию можно увидеть в «Повести Временных лет» (XI в.) в легенде о призвании на Русь варяжского князя Рюрика с дружиной во второй половине IX в. В теории общественного договора Т. Гоббс, Д. Локк и их последователи хаотическое «естественное состояние» борьбы «всех против всех» противопоставляли наступившему в результате соглашения части людей состоянию упорядоченного, «государственного» (последнее Т. Гоббс называл «Левиафаном»). Значит, общественный договор через самоорганизацию был своеобразной «точкой перехода» от одного положения общественной системы к другому. Наконец, Н. Макиавелли прекрасно знал о постоянной смене хаоса и порядка в истории за 400 лет до идей И. Пригожина. Рассмотрев историю Флоренции, мыслитель указал: «Переживая непрерывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку» [3, с. 175]. Однако синергетика дала этим разрозненным «догадкам» теоретическую базу, подвела под нее весомый фундамент естествознания, описала в самом общем виде механизм перехода Хаоса в Порядок и наоборот. Поскольку наиболее наглядным моментом, вносимым синергетикой в историческое познание, является поиск переходных альтернативных состояний прошлого, авторы статьи считают необходимым назвать его *бифуркационной моделью исторического процесса*.

С последнего десятилетия XX в. в историческом познании (особенно в России) не только активно ищут переходные состояния прошлого («критические точки истории», «узловые точки истории», «исторические развилки» и т. д.), но стремятся рассматривать данный механизм обособленно, в отрыве от синергетики (Ю. Жуков), создать особую версию синергетики («социальную синергетику»), которая бы не мешала изучать собственно исторический материал.

Задача данной статьи — рассмотреть с философских позиций отдельные теоретико-методологические тенденции и проблемы, порождаемые применением бифуркационной модели в историческом познании.

Терминологический хаос. Этимологически понятие «бифуркация» означает раздвоение (bi — двойной, furka — развилка) [4, с. 12]. Оно задает вектор исследований, заставляет искать в отдельные, переломные, периоды прошлого лишь два варианта становления. М. Гефтер писал: «Вопрос из краеугольных — был ли выбор в 1917 году? ...Выбора не было. Свершившееся тогда (приход к власти большевиков — *В.Н., Г.Ч.*) — единственное, что противостояло неизмеримо большей кровавой перетасовке, развалу без смысла. Выбор — позже. Не исторического пути, а уже внутри “пути”...» [5, с. 248, 249]. Вариантов у М. Гефтера два: либо полный развал страны без «смысла», либо приход к власти большевиков, давших государству свои цели. Выбор внутри советского «пути» тоже можно рассматривать как бинарный и символизируемый отдельными личностями. Первая альтернатива нашла «выражение в ленинском плане строительства социализма... и в кратковременной истории нэпа, вторая — в сталинском тоталитаризме» [6, с. 4].

Однако даже сохранение бинарности не спасало базовое понятие синергетики от его отрицания историками, философами. Так, развивавший в позднем СССР марксистскую теорию В.Л. Иноземцев опирался не на «точку бифуркации», а на категорию «высшая точка развития». Он обозначал предельную стадию в каждой общественно-исторической формации, чреватую двумя вариантами дальнейшего развития. «...Переход от... зрелой формы одной к зрелой форме другой общественной формации не является унифицированным, а может быть многовариантным. Последнее... основано на использовании предположения о том, что любая система, достигшая высшей точки развития, подготавливает свое собственное отрицание к процессу общественного развития. Этот процесс прокладывает себе дорогу через действия общественных индивидов, через борьбу социальных сил. ...Зрелость общественной формации и начало нового периода возрастания многовариантности общественного развития являются... понятиями почти идентичными. Это подтверждается историческими примерами: в условиях архаической общественной формации становление соседской общины как законченной формы данной формации породило возникновение классового общества в эволюционном (азиатском) и революционном (античном) варианте, а высшая точка развития капитализма... направила дальнейшее развитие как по эволюционному (“западному”), так и по революционному (“восточному”) пути» [7, с. 9]. Совпадения характеристик категории «высшая точка развития» с «точкой бифуркации» поразительны, включая бинарность и состояние выбора, осуществляемое личностями или социальными группами, наконец, сам термин «точка», реализацию на практике одного из вариантов. Но синергетику В.Л. Иноземцев не упоминает. Хотя здесь

есть свое объяснение: он следовал в фарватере диалектико-материалистического метода, трактовки ядра диалектики как «раздвоения единого» [8, с. 316], данного классиком марксизма В.И. Лениным. Кроме того, появление общественно-экономических формаций мыслилось линейно, прогрессивно, где у каждой стадии должна неизбежно быть ее высшая фаза.

В дальнейшем категорию «точки бифуркации» в ее бинарном значении будет использовать основатель миросистемного анализа И. Валлерстайн для обозначения альтернатив, существующих сегодня перед капиталистической мирэкономикой. «У системы есть два взаимоисключающих варианта выхода из кризиса... И все живущие в этой системе должны сделать исторический выбор, по которой из дорог идти дальше...» [9, с. 209]. Однако большого распространения данная терминология не получит.

Определенным выходом из сложившейся ситуации мог бы стать подход А.П. Назаретяна [10, с. 12], предложившего вместо бинарной «точки бифуркации» изменить главное понятие синергетики на «точку полифуркации». Она содержит несколько вариантов развития системы и могла быть принята историками с сохранением базовых положений синергетики.

Однако предложение Назаретяна «запоздало», и ситуация стала развиваться в противоположном направлении. Логика ученых оказалась следующей: они брали характеристики «точки бифуркации», но переносили их на свои, удобные им для изучения социума категории. Специалисты столкнулись с тем, что в историческом процессе вариантов в переходном состоянии может быть гораздо больше двух (хотя и не бесконечное множество). Поэтому многим историкам и философам становится «неуютно» в пределах понятия «бифуркация». Они начинают искать свои, отражающие историческую специфику категории. Для примера рассмотрим описание «критической точки истории» Ю.В. Журовым: «Во внутреннюю массу критической точки заложены альтернативные пути развития всего исторического процесса или отдельных его частей и направлений. В зависимости от того, какая альтернатива будет выбрана активно действующими на исторической арене силами и деятелями, будет определен... путь развития соответствующего исторического объекта» [11, с. 86]. Из него следует, что понятие «точка бифуркации» историк отвергает и даже не упоминает о наличии синергетики, но ее идеи заимствует. «Внутренняя масса критической точки истории» означает находящиеся в ней варианты, которых больше одного; выбор субъектов в ее рамках, основанный на нем новый «порядок» и сам термин «точка» косвенно указывают на породивший его аналог.

Казалось бы, в сложившейся ситуации ученые-историки, философы истории и иные специалисты должны были бы сообща в ходе

дискуссии установить некое универсальное понятие, которое будет служить аналогом «точки бифуркации». Время на подобное согласование имелось. Однако начался обратный процесс. Ко второму десятилетию XXI в. в историческом познании синонимом бифуркации выступает множество понятий: критическая точка истории, узловая точка истории, историческая развилка, сингулярная точка истории, высшая точка развития (истории) и т. д.

Откуда так много названий для объекта с одинаковым набором характеристик? Первая причина — фактическое разнообразие ученых, предпочитающих использовать каждый свои термины. Кроме того, нежелание отечественных специалистов вводить точные определения категорий. «Мы не немцы, чтобы заранее договариваться о понятиях» [12, с. 78], — пишет об Альтернативной истории и разнообразии ее направлений П.Ю. Уваров. Это положение отчасти относится к бифуркационной модели прошлого.

Вторая причина более сложна. Каждый специалист исходил из собственных теоретических предпочтений и эмпирических данных. Более того, порой сам объект диктовал используемую категорию. Так, если выделять «переходные состояния» процесса становления «в России гражданского общества» [13, с. 637], исследователям удобна система именно исторических развилок. Т.Е. Ворожейкина для анализа «богатого» на переходные (многовариантные) исторические состояния в СССР и России периода 1989–1999 гг. снова использует категорию «точка бифуркации». По ее мнению, «наиболее важные точки бифуркации были... пройдены (СССР — *В.Н., Г.Ч.*) в конце перестройки (в 1989, 1990, 1991 гг.)» [14, с. 19]. Для поиска альтернатив в экономике приемлемы категории «узловой точки истории» [15, с. 7]; «высшей точки развития» [7], а для исследований на стыке природной и социальной истории — «сингулярная точка истории» (А.Д. Панов). Категории, таким образом, дифференцировались по дисциплинарному признаку.

Третья причина — привлекательность понятия, порождаемая определенным символом. Здесь отчасти «повезло» категории «историческая развилка». При ее применении брали за аналогию пересечение нескольких дорог. «Их столько, что это (выявление развилок — *В.Н., Г.Ч.*) — занятие не для одного, а для многих и многих историков... Можно найти немало... исторических развилок, способных — случись им осуществиться — привести к самым невероятным последствиям» [16, с. 576].

Популярности «исторической развилке» среди ученых, скорее всего, добавило то обстоятельство, что она присутствует как образ в массовом сознании. Герой русской былины богатырь Илья Муромец однажды оказался на перекрестке дорог перед «горюч камнем» с надписью: «Прямо поехать — убитому быть, направо поехать — богатому

быть, а налево поехать — женатому быть». Интересно, что Илья посетил первые два направления и отказался следовать по третьему.

В ситуации бинарной развилки, похожей на классическую точку бифуркации, оказался герой стихотворения Р. Фроста «Другая дорога»:

«В осеннем лесу, на *развилке дорог* (курсив авт. — В.Н., Г.Ч.),
Стоял я, задумавшись у поворота;
Пути было два, и мир был широк,
Однако я раздвоиться не мог,
И надо было решаться на что-то» [17, с. 157].

Далее этот человек едет по одной из дорог, но всю жизнь его не оставляет вопрос: что могло случиться при выборе другой?

Категория исторической развилки удобна для изучающих исторический процесс тем, что позволяет мысленно поставить в данную ситуацию не только человека, но и общество. Вот как ее описывают ученые применительно к советской истории 1930-х годов: «Тогда мы стояли на перекрестке дорог. В истории наций и государств, как и в жизни отдельных людей, такие развилки не редкость... Такой ключевой развилкой... был период нэпа, особенно его первые годы. Если бы мы тогда не остановились только на экономических реформах, а пошли дальше, по пути демократических политических преобразований... — убеждены, никогда бюрократический аппарат не смог бы захватить власть и свернуть нэп» [18, с. 323]. Получается, что категория «историческая развилка» как аналог синергетической точки бифуркации распространена и потому, что объединяет массовое (обыденное) и научное познание.

В итоге в методологическом плане даже на терминологическом уровне бифуркационная модель исторического процесса предстает не единой, а существенно дифференцированной. Специалисты преимущественно предпочитают брать базовые характеристики категории точки бифуркации и экстраполировать их на иные, специфически отражающие особенности познания прошлого понятия (критические, узловые, высшие и т. д. точки истории). Если не удастся преодолеть такую ситуацию, то бифуркационная модель исторического процесса может в перспективе полностью уйти от породившей ее синергетики. Впрочем, вероятно, что в дальнейшем произойдет либо синтез данных, существующих понятий в какое-то общее, универсальное, либо переход к одному из них как базовому. В настоящее время есть основания предположить, что общим аналогом «точки бифуркации» (судя по ее распространению в науке и художественной литературе) в познании прошлого станет категория «историческая развилка» [19].

Бифуркационные интервалы. Важная проблема исторического познания, возникающая в рамках исследуемой модели, — сколько времени должно проходить между точками бифуркации? Однозначного

ответа здесь нет. Для одних специалистов между переходными состояниями протекают длительные временные промежутки, для других — они постоянно сокращаются. Позиции обосновываются по-разному. Одни ученые берут какой-либо конкретный исторический период и раскрывают его переходные состояния. Здесь время между бифуркациями коротко. Например, для исследователей «перестроечного» периода такой интерес представлял период нэпа 1921–1929 гг. Так, Е. Плимак выделил следующие переходные состояния «в историческом развитии страны в первой половине XX в.: использованные Лениным для движения в правильном направлении в 1917 и 1921 гг. и не использованные Сталиным возможности развития в 1925–1927 (продолжение нэпа — *В.Н., Г.Ч.*) и 1934–1936 (демократизация страны — *В.Н., Г.Ч.*) гг.» [20, с. 63]. Сходную тенденцию к сокращению периодов между точками бифуркации видно в исследовании «постперестроечных» альтернатив у Ворожейкиной. «Альтернативность сохранялась и после перестройки. Несомненные точки бифуркации были пройдены (Россией — *В.Н., Г.Ч.*) в 1993, 1996, 1997, 1999 г.» [14, с. 22].

Некоторые специалисты рассматривают бифуркации, возникающие на более длительном временном интервале (например, существование СССР с 1917 по 1991 г.). И тут появляются иные закономерности. По мнению Л.И. Бородкина, «...время исчисляется не количеством лет или десятилетий, а интервалами между бифуркациями, между точками выбора новой альтернативы. И... они сейчас имеют характерное время порядка... десятилетия (курсив авт. — *В.Н., Г.Ч.*)» [21, с. 117]. Десятилетие — уже не 3–4 года, а гораздо больше. Однако возникает иная проблема. Чтобы относительно точно выводить интервалы между точками бифуркации, следует выявлять факторы, влияющие на выбор вариантов в подобной переходной точке. А таких параметров много, и каждый из них обладает собственной динамикой. Авторы монографии «Синергетика и прогнозы будущего» попытались решить данную задачу [22, с. 81]. У них ключевыми в точке бифуркации признаны минимум десять факторов с разной продолжительностью: от изменения соотношения сил государств (20–25 лет) до решений политического руководства (недели — месяцы) и погодных условий (дни — часы). Даже на эмпирическом уровне увязать их довольно сложно. Так, реальная высадка союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г. зависела прежде всего от погоды в проливе Ла-Манш. Это создавало одну сетку вариантов, реализовавшихся в итоге на практике. Второй («запасной») датой операции «Оверлорд», намеченной военнополитическим руководством англо-американских войск, являлось 19 июля. Но в тот день «на побережье Нормандии обрушился самый яростный шторм этого года» [23, с. 478]. Следовательно, операция была бы снова отложена и, возможно, вообще не осуществлена в 1944 г.

В итоге вырисовывалась бифуркация, которая повлияла бы на иное, чем в реальности, соотношение сил в Европе, где РККА могла бы взять под контроль большие территории, чем произошло в реальности. Пример показывает, что увязать различные флуктуационные (случайные) факторы при моделировании точек бифуркации довольно сложно даже на эмпирическом уровне. Ведь фактор погоды оказался сильнее таких объективных параметров, как решения политического руководства и изменения соотношения сил государств.

Вычислить вероятность периодов между такими факторами, как пандемии различных заболеваний, влияющими на возникновение социальных бифуркаций в различные эпохи, еще труднее, чем погоду. Например, длительность эпидемии чумы в Европе середины XIV в. и ее страшные последствия (значительную смертность населения) можно списать на низкий уровень медицины того времени, отсутствие массового внедрения гигиенических норм и потому признать стихийно возникшей бифуркацией. Для человечества XXI в. пандемия коронавируса (2020–2021) тоже стала своеобразным переходным состоянием, проверившим социальную систему многих стран на прочность. Отсюда связь в системе различных факторов в рамках моделирования времени возникновения какой-либо точки бифуркации — тоже важная методологическая проблема. Без ее решения не получится выявить приемлемые интервалы между различными точками бифуркации.

Роль личности в бифуркационной модели. В целом общее положение по данной проблеме таково: «В состоянии бифуркации социальная система становится неустойчивой относительно альтернативных путей преобразования: даже действия отдельного человека могут *существенно влиять* (курсив авт. — В.Н., Г.Ч.) на ее развитие» [24, с. 9]. Возникает вопрос: существенно, но в какой мере? Одни исследователи отводят личности как фактору («приход к власти харизматических лидеров»), оказывающему влияние в точке бифуркации, короткий период: «месяцы — годы» [22, с. 81]. Другие — больший: десятилетия. Так, по мнению Э. Ласло, хотя крах императорской России вызван рядом объективных факторов, именно лидер большевиков В.И. Ленин в точке бифуркации 1917 г. заложил основы советского государства, просуществовавшего более 70 лет. «Внутренний распад и проигранная война в 1917 г. привели Россию за порог стабильности. Система распалась, и из хаоса Великой Октябрьской социалистической революции возник В.И. Ленин и неожиданный для всех марксистский режим большевиков — тот самый, который распался в 1991 г. в результате другой неожиданной бифуркации» [4, с. 16]. Продолжая мысль Ласло, можно заключить: в бифуркации 1990–1991 гг. для СССР просто не нашлось сопоставимой с Лениным личности, которая могла бы вывести ситуацию из создавшегося тогда хаоса на новый вариант его порядка.

Это крайние позиции. Согласно первой — личность и ее влияние в точке бифуркации минимальны, подобно одной из многих «соломинок», ломающей «хребет» верблюду (тем более сама бифуркация кратковременна и вскоре исчезает, оставив базовый вариант нового порядка). В соответствии со второй — воздействие данного человека решающее, он формулирует некую государственную программу, ответ на исторический вызов (А. Тойнби), которым пользуются потомки вплоть до полного исчерпания возможности ее применения в действительности. Если аналогичного по силе деятеля не находится, установившийся порядок терпит крах в ходе новой бифуркации.

Возникает вопрос: каково на самом деле влияние личности в точке бифуркации, его границы? Прежде всего данный человек должен понимать переломность этого момента истории, видеть существующие в нем альтернативы и оценивать последствия для себя и страны их реализации. Так, юный 16-летний царь Федор Годунов весной 1605 г. в исторической точке бифуркации начала Смутного времени тоже имел ряд вариантов действий. Он мог: бежать с матерью (вдовой прежнего царя) и сестрой из столицы Москвы; отречься от власти с признанием новым царем оспаривавшего престол Дмитрия I (надеясь на милосердие победителя); собрать лояльные силы армии, идти на решительный бой с противником. «Годуновы не сделали ничего подобного» [25, с. 148]: они лишь истребляли сторонников самозванца Дмитрия в Москве. Царь Федор, имевший перед собой три варианта действий, не видел, игнорировал их, а выбрал четвертый: ничего не менять в проводимой тупиковой политике отца Бориса Годунова — и стал жертвой ситуации в результате дворцового переворота июня 1605 г.

Для активного влияния в точке бифуркации данной личности ее действиям должны «помогать», способствовать обстоятельства. В 326 г. до н. э. продолжать поход на Индию отказались большинство солдат и полководцев армии Александра Македонского. Царю пришлось уступить им, изменить первоначальные планы завоевания мира, вернуться в столицу ранее подчиненных земель — Вавилон.

Кроме того, больше шансов заложить новый вариант порядка имеет личность, которая в состоянии предложить приемлемый для значительной части населения в данный момент проект будущего и сможет его доходчиво объяснить массам. Этим во многом объясняется победа большевиков во главе с Лениным в октябре 1917 г.

Наконец, хаос, свойственный зарождению точки бифуркации, преодолевается через насилие, которое данная личность сможет применить для поддержания своего варианта порядка в виде проекта будущего. В апреле 1814 г. Наполеон I столкнулся с тем, что часть высших военачальников французской армии отказались далее сражаться с силами русско-австро-пруско-английской коалиции, вошедшей в Париж.

Император предпочел отречься. Но он мог действовать жестче: отстранить (или даже казнить) некоторых полководцев-отказников от командования, назначить на их место новых военных и продолжить борьбу. Наполеон не решился на данный радикальный шаг. Сто три года спустя в сходной ситуации оказался русский император Николай II, которого военная и политическая элита заставила отречься от власти в условиях изоляции монарха от столицы — Петрограда. Сменить бунтующую элиту и остаться с незнакомыми людьми в критической обстановке этот монарх тоже не решился. К тому же в Петрограде фактически в заложниках оставалась семья императора. Для применения насилия сама личность должна быть решительной, т. е. цель (сохранение государства или создание новой социальной системы) в этом случае оправдывает издержки в виде гибели не только посторонних людей, но и самой личности, близких, родственников и т. д. (Сравним действия Николая II в марте 1917 г. и Николая I в декабре 1825 г.).

Следует отметить: решительность личности предполагает значительный игровой элемент в ее действиях, отсутствие шаблонности в осуществляемых шагах, неожиданные тактические «союзы». Правители, которые долгое время привыкли работать в бюрократизированной властной системе, так называемые кратоманы [26], редко способны выйти за рамки навязанных обстоятельствами границ, выбрать и добиться реализации оптимального для себя варианта в условиях кризиса государственной вертикали.

Влияние конкретного человека в бифуркационном состоянии (даже при отсутствии у него политической власти) существенно возрастает, если он находит необычные варианты решения задач, порой противоречащие общему мировоззрению, тренду. Так, в условиях отступления РККА в Прибалтике летом 1941 г. инженер Балтийского флота П. Вольский смог (организовав вокруг себя группу лиц) затопить на выходе из эстонского порта Пярну суда, чем существенно затормозил движение вермахта к Ленинграду, рассчитывавшего использовать его для перемещения военных грузов. Он «оказался в той точке пространства и времени, от которой война могла пойти по другому сценарию» [27, с. 240]. Интересно, что в точке бифуркации личность может действовать наперекор доминирующей тенденции, объединяя вокруг себя ряд единомышленников.

Отсюда вопрос о роли личности в точке бифуркации нужно рассматривать под углом ее персональных качеств и их влияния на ситуацию. Кроме того, требуется проследить по отдельности воздействие обладающих политической властью и иных персон. Спекуляции на тему «личность решает все/мало, ничего не решает» требует заменить анализом конкретных ситуаций, а от них делать более широкие теоретические обобщения. Здесь целесообразно движение от конкретного

к абстрактному. В противном случае специалисты конкретное часто подгоняют под заранее имеющееся теоретическое положение [28].

Подведем итоги. В работе рассмотрена бифуркационная модель исторического процесса, популярная в отечественном и зарубежном познании прошлого как у историков, так и у философов, социологов. Ее сильной стороной является доступная объяснительная схема исторического процесса, обосновывающая движение от хаотических состояний прошлого к упорядоченным через особое переходное состояние — точку бифуркации. Данная модель поясняет причины неизбежной поливариантности такого состояния, реализации одного из ее вариантов в качестве новой версии устойчивого порядка. Однако также имеет существенные проблемы. Некоторые из них рассмотрены в статье. Первая — терминологический хаос, вызванный неприемлемостью базового понятия указанной модели частью изучающих исторический процесс историков и философов. Констатировано, что выходом из ситуации может стать либо преобразование категории точка бифуркации в точку полифуркации в отношении истории (с ее соответствующей теоретической доработкой, апробацией к новому объекту); либо поиск какой-либо универсальной специальной категории из уже существующих (причем наибольший шанс играть эту роль есть у исторической развилки). Вторая проблема — поиск оптимальных временных интервалов между различными точками бифуркации. Гипотеза, что они должны неизбежно сокращаться (особенно в рамках Новейшей истории), не всегда подтверждается фактами. Поэтому поставлен вопрос об увязке различных параметров, создающих точки бифуркации, в систему, что позволит без лишних спекуляций решить вопрос о временных промежутках между ними. Третья проблема — степень влияния исторической личности в точке бифуркации. Отвергнуты гипотезы некоторых сторонников бифуркационной модели как о чрезмерном, так и о кратковременном ее воздействии. Выявлены некоторые условия, определяющие творчество великой личности в переходном состоянии, показана продуктивность движения от конкретного к абстрактному при теоретическом исследовании в этом вопросе.

Разумеется, бифуркационная модель в познавательном плане содержит значительный потенциал при изучении прошлого как историками, так и философами, социологами и т. д. Поэтому возникающие на пути ее применения проблемы надо выявлять, четко формулировать, по возможности решать. Нет сомнения, что подобных вопросов будет еще много [29].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Нехамкин В.А. *Альтернативы прошлого в философии истории (теоретико-методологический анализ)*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008, 32 с.

- [2] Нехамкин В.А. Неклассические модели общественной динамики в социальном познании XX — начала XXI в.: итоги и перспективы развития. *Социум и власть*, 2020, № 3, с. 18–29.
- [3] Макиавелли Н. *История Флоренции*. Ленинград, Наука, 1973, 440 с.
- [4] Ласло Э. Век бифуркации. Постигание изменяющегося мира. *Путь*, 1995, № 7, с. 3–25.
- [5] Гефтер М.Я. *Из тех и этих лет*. Москва, Прогресс, 1991, 506 с.
- [6] Могильницкий Б.Г. Альтернативность в истории советского общества. *Вопросы истории*, 1989, № 11, с. 3–18.
- [7] Иноземцев В.Л. Альтернативность общественного развития. *Вестник МГУ, Серия 6 «Экономика»*, 1991, № 2, с. 3–10.
- [8] Ленин В.И. *Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 29*. Москва, Издательство политической литературы, 1969, 782 с.
- [9] Валлерстайн И. *Миросистемный анализ. Введение*. Москва, УРСС: ЛЕНАНД, 2018, 304 с.
- [10] Назаретян А.П. Знает ли история сослагательное наклонение? (Мегаисторический взгляд на альтернативные модели). *Философские науки*, 2005, № 2, с. 7–18.
- [11] Журов Ю. В. *Проблемы методологии истории*. Брянск, Изд-во Брянского госпедуниверситета, 1996, 144 с.
- [12] Гуревич А.Я., ред. *Одиссей. Человек в истории. История в сослагательном наклонении?* Москва, Наука, 2000, 337 с.
- [13] Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. *Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов*. Москва, КоЛибри, 2005, 638 с.
- [14] Ворожейкина Т.Е. Глядя назад: возможные альтернативы в развитии перестройки. *Общественные науки и современность*, 2005, № 5, с. 17–22.
- [15] Галкин А.А., Котов В.Н., Красин Ю.А., Меньшиков С.М. *Капитализм сегодня: парадоксы развития*. Москва, Мысль, 1989, 315 с.
- [16] Лещенко В. *Ветвящееся время. История, которой не было*. Москва, Изд-во АСТ, 2003, 588 с.
- [17] Модестов С.А. *Бытие несвершившегося*. Москва, Московский общественный научный фонд, 2000, 176 с.
- [18] Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития? *Осмыслить культ Сталина*. Москва, Прогресс, 1989, с. 284–326.
- [19] Нехамкин В.А. Контрфактические исторические исследования и синергетика (пути взаимодействия). *Общественные науки и современность*, 2006, № 5, с. 120–129.
- [20] XX век: альтернативы развития (материалы «круглого стола»). *Рабочий класс и современный мир*, 1989, № 1, с. 60–71.
- [21] Возможны ли математические модели истории? «Круглый стол» ученых. *Общественные науки и современность*, 2004, № 3, с. 111–122.
- [22] Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. *Синергетика и прогнозы будущего*. Москва, Наука, 1997, 285 с.
- [23] *А что, если бы?..: Альтернативная история*. Москва, АСТ, Санкт-Петербург, Terra Fantastica, 2002, 604 с.
- [24] Гречко П.К. *Концептуальные модели истории*. Москва, Логос, 1995, 144 с.
- [25] Костомаров Н.И. *Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613 гг.* Москва, Чарли, 1994, 799 с.
- [26] Нехамкин В.А., Нехамкин А.Н., Фирсанова Е.В. Кратомания: опыт теоретического (социально-философского) осмысления. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 6. <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-752>

- [27] Серебрянников В.В. *Социология войны*. Москва, Научный мир, 1997, 398 с.
- [28] Черногорцева Г.В. Человек в философском дискурсе: к истории идей. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 9. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/288.html> (дата обращения 19.10.2024).
- [29] Нехамкин В.А. Синергетика и современное историческое познание: возможности и пределы. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2015, № 7. URL: <https://history.jes.su/s207987840001222-3-1> (дата обращения 19.10.2024).

Статья поступила в редакцию 24.10.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Нехамкин В.А., Черногорцева Г.В. Бифуркационная модель исторического процесса: философский анализ. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6.
EDN DARIUB

Нехамкин Валерий Аркадьевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана; профессор кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.
e-mail: nehamkin@rambler.ru

Черногорцева Галина Владимировна — канд. филос. наук, доцент кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: irbiscotta@mail.ru

Bifurcation model of the historical process: philosophical analysis

© V.A. Nekhamkin^{1,2}, G.V. Chernogortseva¹

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN),
Moscow, 117198, Russia

The paper considers a bifurcation model of the historical process. It identifies basic provisions of this model. A number of key cognitive problems arising within the framework of the model are studied. They include the problem of finding a basic category acceptable for a significant part of historians and philosophers, the problem of determining time intervals between the different bifurcation points and the question of the influence degree of a historical figure in the past bifurcation states. The paper proposes solutions to these problems. It notes the need for further analysis of the theoretical and methodological problems within the framework of the bifurcation model.

Keywords: philosophy of history, history, synergetics, bifurcation, bifurcation model, historical bifurcation

REFERENCES

- [1] Nekhamkin V.A. *Alternativy proshlogo v filosofii istorii (teoretiko-metodologicheskii analiz). Avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Alternatives of the past in the philosophy of history (theoretical and methodological analysis). Author's abstract ... Dr. Sc. (Philosophy)]. 09.00.11. Moscow, BMSTU, 2008, 32 p.
- [2] Nekhamkin V.A. Neklassicheskie modeli obshchestvennoy dinamiki v sotsialnom poznanii XX — nachala XXI vv.: itogi i perspektivy razvitiya [Non-classical models of social dynamics in social cognition of the 20th — early 21st centuries: results and development prospects]. *Sotsium i vlast — Society and Power*, 2020, no. 3, pp. 18–29.
- [3] Machiavelli N. *Istorie Fiorentine*, 1532 [In Russ.: Makiavelli N. Istoriya Florentsii. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 440 p.].
- [4] Laszlo E. *The Age of Bifurcation. Understanding the Changing World*. Gordon and Breach, 1991 [In Russ.: Laslo E. Vek bifurkatsii. Postizhenie izmenyayushchegosya mira. Put, 1995, no. 7, pp. 3–125].
- [5] Gefter M.Ya. *Iz tekh i etikh let* [From those and these years]. Moscow, Progress Publ., 1991, 506 p.
- [6] Mogilnitskiy B.G. Alternativnost v istorii sovetskogo obshchestva [Alternativity in the history of Soviet society]. *Voprosy istorii — Questions of History*, 1989, no. 11, pp. 3–18.
- [7] Inozemtsev V.L. Alternativnost obshchestvennogo razvitiya [Alternative social development]. *Vestnik MGU, Seriya 6 Ekonomika — Moscow University Economics Bulletin*, 1991, no. 2, pp. 3–10.
- [8] Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete collection of works]. In 55 vols. Vol. 29. Moscow, Politicheskoy Literatury Publ., 1969, 782 p.
- [9] Wallerstein I. *World-Systems Analysis. An Introduction*. Duke University Press, Durham and London, 2004 [In Russ.: Vallerstayn I. Mirosystemnyi analiz. Vvedenie. Moscow, URSS, LENAND Publ., 2018, 304 p.].

- [10] Nazaretyan A.P. Znaet li istoriya soslagatelnoe naklonenie? (Megaistoricheskiy vzglyad na alternativnyye modeli) [Does history know the subjunctive mood? (A mega-historical look at the alternative models)]. *Filosofskie nauki — Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2005, no. 2, pp. 7–18.
- [11] Zhurov Yu.V. *Problemy metodologii istorii* [Problems of methodology in history]. Bryansk, Bryansk State University Publ., 1996, 144 p.
- [12] Gurevich A.Ya., ed. *Odyssey. Chelovek v istorii. Istoriya v soslagatelnom naklonenii?* [Odysseus. Man in History. History in the subjunctive mood?]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 344 p.
- [13] Karasuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. *Vybiraya svoju istoriyu. “Razvilki” na puti Rossii: ot Ryurikovichy do oligarkhov* [Choosing your history. “Forks” in the Russia’s path: from the Rurikovichs to the oligarchs]. Moscow, KoLibri Publ., 2005, 638 p.
- [14] Vorozheykina T.E. Glyadya nazad: vozmozhnye alternativy v razvitiy perestroyki [Looking back: possible alternatives in the development of Perestroika]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost — Social Sciences and Contemporary World*, 2005, no. 5, pp. 17–22.
- [15] Galkin A.A., Kotov V.N., Krasin Yu.A., Menshikov S.M. *Kapitalizm segodnya: paradoksy razvitiya* [Capitalism today: paradoxes in development]. Moscow, Mysl Publ., 1989, 315 p.
- [16] Leshchenko V. *Vetvyashcheesya vremya. Istoriya, kotoroy ne bylo* [Branching time: the history that never was]. Moscow, AST Publ., 2003, 588 p.
- [17] Modestov S.A. *Bytie nesvershivshegosya* [The being of the unfulfilled]. Moscow, Moskovskiy Obshchestvennyi Nauchnyi Fond Publ., 2000, 176 p.
- [18] Popov V., Shmelev N. Na razvilke dorog. Byla li alternativa stalinskoy modeli razvitiya? [At a fork in the road. Was there an alternative to the Stalinist development model?]. *Osmyslit kult Stalina — Understanding the Cult of Stalin*. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 284–326.
- [19] Nekhamkin V.A. Kontrfakticheskie istoricheskie issledovaniya i sinergetika (Puti vzaimodeystviya) [Counterfactual historical research and synergetics (paths to interaction)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost — Social Sciences and Contemporary World*, 2006, no. 5, pp. 120–129.
- [20] XX vek: alternativy razvitiya (materialy “kruglogo stola”) [The 20th century: development alternatives (materials of the round table)]. *Rabochiy klass i sovremenniy mir — Working class and the modern world*, 1989, no. 1, pp. 60–71.
- [21] Vozmozhny li matematicheskie modeli istorii? [Are the mathematical models of history possible?]. “Kruglyi stol” uchenykh. *Obshchestvennye nauki i sovremennost — “Round table of the scientist”*. *Social Sciences and Contemporary World*, 2004, no. 3, pp. 111–122.
- [22] Kapitsa S.P., Kurdyumov S.P., Malinetskiy G.G. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and future forecasts]. Moscow, Nauka Publ., 1997, 285 p.
- [23] *A chto, esli by?..: Alternativnaya istoriya* [What if?..: Alternative history]. Moscow, AST Publ.; St.-Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002, 604 p.
- [24] Grechko P.K. *Konceptualnye modeli istorii* [Conceptual models of history]. Moscow, Logos Publ., 1995, 144 p.
- [25] Kostomarov N.I. *Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya. 1604–1613 gg.* [The time of troubles of the Moscow State at the beginning of the 17th century. 1604–1613]. Moscow, Charli Publ., 1994, 799 p.
- [26] Nekhamkin V.A., Nekhamkin A.N., Firsanova E.V. *Kratomaniya: opyt teoreticheskogo (sotsialno-filosofskogo) osmysleniya* [Cratomania: the experience of theoretical (socio-philosophical) understanding]. *Gumanitarny*

- vestnik* — *Humanities Bulletin of BMSTU*, 2021, iss. 6. Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/752.html> (accessed October 20, 2024).
- [27] Serebryannikov V.V. *Sotsiologiya voyny* [Sociology of war]. Moscow, Nauchnyi Mir Publ., 1997, 398 p.
- [28] Chernogortseva G.V. Chelovek v filosofskom diskurse: k istorii idey [The Man in philosophical discourse: on history of ideas]. *Gumanitarny vestnik* — *Humanities Bulletin of BMSTU*, 2015, iss. 9. Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/288.html> (accessed October 19, 2024).
- [29] Nekhamkin V.A. Sinergetika i sovremennoe istoricheskoe poznanie: vozmozhnosti i predely [Synergetic and modern historical knowledge: possibilities and limits]. *Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal "Istoriya"* — *Istoriya*, 2015, no. 7. Available at: <https://history.jes.su/s207987840001222-3-1> (accessed October 19, 2024).

Nekhamkin V.A., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN). e-mail: nechamkin@rambler.ru

Chernogortseva G.V., Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: irbiscotta@mail.ru